

Анна Корсунова

Рассказы

МУСОР В ГОЛОВЕ

Мама купила набор для шитья мягкой игрушки. С упаковки на Катю глазами-пуговками смотрел щенок, заинтересованно наклонив белую мордочку и приподняв рыжее ухо. Мама вытащила из коробки сложенный лист выкройки, небольшой рулон синтепона, ворсистую ткань, оранжевую и белую. По столу застучали пластмассовые детали – глаза и нос, почти как настоящий.

– Полезно для развития мелкой моторики, – развернув инструкцию, прочитала мама.

«Мелкие моторчики», – слышалось Кате. И тут же эти самые моторчики заработали в её руках и ногах, так что усидеть на месте было сложно. Она нетерпеливо схватила круглый футлярчик с иголками. Хотелось, чтобы новый друг поскорее ожил: тр-р-р-р – и готово. Как на швейной машинке.

– Не трогай! – мама выхватила иголки из рук. – Рассыплешь ещё, уколешься.

– Не гассыплю, – Катя ещё не выговаривала букву «р».

Пока мама раскладывала отрезы ткани, она забралась на стул на колени и, покачиваясь, расправила выкройку. Потом взяла ножницы.

– Катя! – мама их забрала. – Не надо выкройку резать! Мы её переведём. Надо всё делать последовательно. Я сейчас вернусь, а ты ничего не трогай!

Катя опёрлась локтями о стол, положила подбородок на ладони. Ничего-то ей нельзя. Даже мелкие моторчики затихли – приуныли. Так если мама всё за неё сделает, тогда и щенок будет не Катин, а мамин.

Она на всякий случай погладила будущую шерстку – сначала оранжевую, потом белую ткань, чтобы щенок заранее знал, чей он.

Надо бы ему имя придумать. Но в голову лезли только «Рыжики», «Дружки» и «Шарики», а Кате хотелось назвать как-нибудь по-особенному.

Мама принесла подставку с карандашами и какую-то полупрозрачную бумагу.

– Сначала переведём выкройку через кальку.

Кате не понравилось это слово – кака какая-то. Поэтому она не стала её трогать, а только смотрела, что делала мама. Вот она положила мутно-белый листок на выкройку и повела карандашом. Сначала нарисовалась лапа, потом ухо.

– Сядь нормально, – строго сказала мама Кате, – а то свалишься.

Катя выпрямилась, но так было не разглядеть, как появляются на кальке туловище, голова и хвост.

Наконец мама дала Кате переведённую выкройку и ножницы кольцами вперёд.

– Раз тебе так хотелось самой, то на... Только смотри: аккуратно, по контуру.

Катя осторожно взяла кальку и стала вырезать. От усердия даже высунула кончик языка. Получившиеся детали мама ловко обводила мягким мелком на ткани. Катя и их вырезала, хотя ткань резать намного сложнее. К тому же пришлось оставлять «припуски на швы»: делать из маленькой щенячьей лапки большую – собачью.

– А то косой будет, – сказала мама.

– Зайкой? – удивилась Катя.

– В смысле – зайкой?

– Ну, косой.

Мама засмеялась и, открыв футляр с иголками, стала показывать, как надо шить.

Это было не сложно, но долго и утомительно. Пока Катя только закончила ухо, мама уже дошила целое туловище и приступила к лапам с белыми пятками.

– И ничего они не газвиваются... – недовольно пробормотала Катя себе под нос.

Мелкие моторчики только спешили и заставляли иголку плясать в руках, из-за чего стежки никак не хотели ложиться ровно и смотрели то вправо, то влево, становились то короче, то длиннее. Мама попыталась забрать иголку, но Катя упорно дошивала хвост.

Через час туловище щенка уже уверенно стояло на четырёх лапах. Оставалось только набить в голову синтепон и пришить к ней уши.

– Устала? Ну, отдохни. Ты хорошо потрудилась, – улыбнулась мама и взялась за оставшийся лоскут синтепона. – Надо делать рационально. Видишь, сколько всего осталось? Можно не выкидывать отходы в мусорку, а вот как сделать...

Мама скатала обрезки ткани и ниток, завернула их внутрь набивки.

– Безотходное производство!

Слово «отходы» Кате не нравилось ещё больше, чем «калька» – ей сразу представилась мусорная свалка. Следя за тем, как мама запихивала мягкий шарик с мусором в голову её щенка, Катя застыла.

– Ну вот, осталось немного, – мама принялась пришивать треугольные уши.

Кате было до слёз обидно за своего щенка. Зачем наполнять голову мусором, если его нужно выкидывать? Как же он теперь будет жить, как играть с отходами в голове?

И вдруг заработали мелкие моторчики, заработали с такой скоростью, что Катя сорвалась с места и умчалась в свою комнату.

– Ты чего? – крикнула мама вдогонку. – Катя!

Катя достала розовую шкатулку с выложенной из бисера бабочкой на крышке, в которой она хранила свои сокровища: вкладыши из жвачки, большие перламутровые бусины от мамино ожерелья, игрушки из киндера... А ещё бубенчик, который Катя нашла по дороге домой из детского садика. Мама запрещала ей поднимать с земли «всякую гадость», но Катя тайно пронесла его, зажав в кулак, промыла с мылом и положила в шкатулку. Она не знала, от чего он: может, от ёлочной игрушки, или от ножного браслета танцовщицы, или даже от волшебной палочки мимо пролетавшей феи.

Катя взяла бубенчик и побежала в гостиную.

– Откуда это у тебя? – спросила мама.

– Нашла.

– Где?

– Там, – Катя неопределённо махнула рукой.

– Хочешь ему ленточку с колокольчиком?

– Нет.

– А чего ты хочешь?

Катя указала на голову щенка.

– Ну скажи словами.

Не зная, как объяснить, Катя схватила ушастую голову щенка и засунула бубенчик поглубже в синтепоновую мякоть.

– Теперь-то можно зашить? – устало спросила мама.

Катя смотрела за тем, как мама делает последние стежки и думала: «И пусть! Пусть безотходное производство, пусть всякий мусор. Зато внутри у щенка будет задорно звенеть волшебный бубенчик».

– Имя-то придумала? – спросила мама.

– Да.

– Какое?

– Мотогхчик.

– Полезное имя, может, хоть начнёшь выговаривать «эр».

ФЛЕЙТА

– Ты играешь на флейте? – обрадовалась Нина Борисовна. – Может, выступишь первого сентября?

– Да-да-да, это будет полезный опыт! Надо же заявить о своих талантах, – согласилась мама, прежде чем Настя успела открыть рот.

Дома они принялись перебирать нотные сборники в поисках чего-то простенького, но красивого. Мама, послунявив палец, просмотрела несколько страниц и отложила очередную тонкую книжку в сторону. Настя долистывала за мамой те, которые уже были отбракованы.

– О, – мама показала на «Маленькую ночную серенаду» Моцарта. – Помнишь, вы разбирали... И коротенькая, и классика. Ну-ка, гляди.

Настю всегда веселили эти чёрные головастики, которые то взлетали над нотным станом, то ныряли под него, прыгали через лиги-скакалки.

– Чего там смешного увидела? – мама удивлённо посмотрела в книжку.

Она достала большой тубус, вытащила футляр, из него – чёрно-белую блок-флейту.

Под маминым присмотром Настя заиграла гамму, постепенно ускоряя ритм: до-ре-ми-фа- соль-ля-си-до-си-ля-соль...

Потом начала разбираться с нотными головастиками.

Мелодия передвигалась скачками, головастики толкались и ставили друг другу подножки, так что у Насти от спешки заплетались пальцы. А когда мелодия стала медленной и тягучей, как ириска, то на неё не хватало воздуха.

Репетировали каждый день. Мама следила, чтобы Настя не отлынивала, и сама отсчитывала время на перерыв. Настя уже почти не подглядывала в сборник. Она наконец смогла дотянуться коротким мизинцем до нижнего клапана «ре», научилась распределять дыхание так, чтобы мелодия звучала ровно, без долгих пауз. К концу недели уже играла, не смотря в ноты.

Наступило первое сентября. Мама подобрала Насте белую блузку, чёрную юбку, чёрные туфли, белые колготки. Для завершения образа завязала ей тугой хвост – настолько тугой, что голова под белым бантом сразу начала чесаться, а когда Настя поднимала брови, хвост подёргивался на затылке.

После линейки в актовом зале собралось много народу. Все улыбались, громко разговаривали. Настя держала в руках флейту, зажимая пальцами клапаны, наигрывая слышную только ей мелодию. Перед глазами всё ещё мелькали чёрные головастики.

Краем уха она улавливала, как читают стихи, поют народные песни и стучат каблуками под современную музыку.

Вдруг в щёку ткнулась травинка. Настя вздрогнула и будто очнулась. Наклонившись, над ней стояла Нина Борисовна с букетом тюльпанов.

– Готова? Следующая ты.

Настя поднималась по ступенькам за кулисы, в такт её шагам прыгал хвост на затылке.

Мама нервно покусывала напомаженные губы.

– Ну вот, сейчас тебя объявят, и пойдёшь, – сказала она и погладила Настю по плечу.

Настя с ещё большим усердием принялась за повторение «Серенады», но пальцы плохо слушались.

Объявили её номер. Настя глубоко вдохнула и пошла на негнущихся ногах. Встала у стойки с микрофоном.

Свет софитов слепил глаза. Она зажмурилась, хвост на затылке дёрнулся. Негнущимися пальцами Настя поднесла мундштук к губам... И выдохнула.

Флейта взвизгнула на первой ноте. Щёки стали горячими, а ладони вспотели. Ей стало страшно, что флейта выскользнет из них. Незаметно для себя она так ускорила темп, что пальцы запутались и с клапана «ре» соскользнул мизинец. Пока она возвращала его на место, дыхание сбилось. Она остановилась. Хотела начать сначала, но передумала.

Зрители среагировали не сразу. Послышалось несколько неуверенных хлопков, которые постепенно собрались в гвалт аплодисментов. С последних рядов даже закричали «браво!». Кто-то встал с места и хлопал стоя. Настя растерянно моргала, дрожащими руками стискивая флейту.

Мама выбежала и торопливо увела её со сцены.

– Умничка моя... умничка... умничка...

Она гладила Настю по спине, целовала в макушку и крепко обнимала.

Они стали пробиваться сквозь толпу в цветастых нарядах. На выходе их перехватила Нина Борисовна:

– Ты молодец! Так хорошо играла на дудочке! Только перед тобой девочка в розовом была... микрофон выключила. Надо было выйти, но боялись тебя совсем сбить...

Настя постояла немного, пытаясь понять слова учительницы. Покрутила флейту в руках. И облегчённо вздохнула.

По дороге домой Настя мурлыкала себе под нос какую-то весёлую мелодию, наигрывая ловкими пальцами на воображаемой флейте. На воображаемой получалось лучше, чем на настоящей.

– Ты как? – спросила мама.

– Нормально. Только голову напекло софитами так, что на ней можно было яичницу жарить! – улыбнулась Настя и стянула с головы бант.

Они радостно рассмеялись и пошли в кафе-мороженое.

СИНИЙ МИР В КЛЕТКУ

Лиза пыталась делать уроки. Математика совсем не давалась. Пропустила неделю, и все в классе будто на другом языке заговорили – ничего не понятно. Так и не разобравшись в новой теме, она заскучала и стала рисовать в черновике.

Круги, спирали, волны перетекали в завитушки, обрастали листочками. Закрашенные синей пастой через одну клеточки стали шахматным полем без фигур. Рука сама чертила тонкие бесформенные контуры.

Думая, что бы такое нарисовать, Лиза оглядела комнату. Вот рюкзак, из раскрытой пасти которого торчали учебники с языками-закладками. Книжный шкаф выставил корешки энциклопедий и приключенческих историй. На полке за стеклом сидели старые мягкие игрушки, с которыми Лиза уже не играла, но было жалко отдавать. Всё было так привычно, что глазу не за что зацепиться.

На уроках она тоже часто рисовала, за что учителя её отчитывали. Лиза стала листать черновую тетрадь. Вот срисованная с натуры дверная ручка. В лучах сентябрьского солнца она так сияла, что Лизе захотелось непременно нарисовать её, но передать блеск синей ручкой не получилось. Рядом – половина шторы (вторая просто не влезла). А в углу что-то яростно заштриховано, не разобрать – рисунок никак не удавался. На полях по соседству с примерами из задачника порхали синие бабочки, распускались синие цветы.

Листая дальше, Лиза заметила синих девочку с мальчиком. Как давно она их нарисовала? Контуры у них грубые, ворсистые. У синеволосой девочки в синем платьишке одна нога длиннее другой, а у синего мальчика с синими веснушками вообще обе руки правые. Круглолицые, круглоносые, круглоглазые, будто брат и сестра. Когда только учишься рисовать, все люди получают братьями и сёстрами.

Идея! На стене – календарь, который Лиза забыла перевернуть. Уже ноябрь, а на октябрьской страничке до сих пор мчит табун лошадей.

В черновике рядом с синими девочкой и мальчиком стала вырисовываться синяя-синяя лошадь с жирными контурами – это ручка несколько раз водила по одному месту. Лошадь скорее похожа на большую собаку с гривой и копытами. Ну и что? Лиза ведь рисует лошадь в первый раз.

В синей руке девочки появилось синее яблоко. Всего два движения ручкой (кружок да хвостик), и у лошади есть еда.

Но яблоко же откуда-то взялось? И Лиза нарисовала яблоню. Для яблони нужна земля – она нарисовала траву заборчиком от края до края листа.

А для травы нужно солнце! Лиза нарисовала его в верхнем углу и протянула линиями лучи к дереву, к мальчику с девочкой и к лошади.

Штрихи становились более уверенными, и с ними персонажи тоже будто осмелели. Того и гляди сейчас убегут за край страницы, где в синем доме их ждут синие мама и папа. Такие же круглолицые, круглоносые, круглоглазые.

Руки не поспевали за воображением. Лиза хотела нарисовать ещё много-много человечков, подарить им имена, друзей, дома, города, страны – целую вселенную. Дух захватывало от ответственности за чужие жизни, пусть и выдуманные. Как с этим справиться? Как уследить за этим небрежно созданным миром? Конечно, сейчас можно просто сложить тетрадку обратно в рюкзак, но фантазия уже разыгралась. Кажется, что там, на этих листочках, всё живёт и движется. Может, даже думает о ней... А вдруг и нас тоже кто-то придумал, когда не хотелось делать математику?

Из-за приоткрытой двери послышались шаги. Лиза быстро перелистнула черновик на страницу с нерешёнными примерами.

В комнату заглянула мама:

– Ну как, разобралась с уроками?

– Да, – Лиза приложила ладони к горящим щекам.

Мама перелистнула тетрадь:

– Это ты так занимаешься?

Она посмотрела на синих девочку с мальчиком и хмыкнула:

– Детки в клетке...

– Почему в клетке? – удивилась Лиза.

А ведь она и не замечала, что страница была в клетку – когда она рисовала, тетрадь ей казалась просто белой.

– Я вон тоже со статьёй своей наконец разобралась, – сказала мама. – А то заказчик умный такой, прислал правки ночью... Ладно. Пойду ужин готовить.

И она ушла к своим статьям, рекламным заметкам, постам в соцсетях, любимым сериалам, кастрюлям, сковородкам... А Лиза продолжила рисовать.

НОРМАЛЬНЫЕ ДЖИНСЫ

Оля проснулась радостная – сегодня её день рождения! Рядом с кроватью она нашла подарок от мамы – смартфон. Она сразу же скачала «ВКонтакте», «Инстаграм» и мессенджер, чтобы прочитать поздравления от интернет-друзей.

В комнату заглянула младшая сестра Соня.

– Ма-ам, она уже проснулась!

– Нет, я не проснулась, – сказала Оля, – я тут занята.

Соня подошла к ней и стала смотреть. Оля прикрыла экран ладонью.

– А там игры есть?

– Не мешай.

Соня надула губы.

– А мама нам пирожные купила! Мне вишнёвое, а тебе шоколадное. Твоё даже вкуснее!

– А ты откуда знаешь? – посмотрела Оля на сестру.

– Я лизнула! Там столько крема!!! А ещё мама торт купила!

– Ты и его, наверное, попробовала?

– Ты что, он же завязанный!

Тут Оля решила, что пора вставать.

Она надела новые джинсы с модными дырками на коленях и пошла на кухню.

Мама чмокнула её в макушку:

– Долго спишь, именинница! Садись завтракать, чай, наверное, уже остыл.

...Соня, положи пирожное, ты своё уже съела!

Соня с сожалением поставила тарелочку с пирожным на стул.

– Подружки когда придут? – спросила мама.

– Сразу после школы.

– А уроки?

Оля от удивления села на стул.

– Мама, ну какие уроки?!

– Ладно, сегодня можешь отдохнуть.

– А где моё пирожное?

– Как где? – мама оглядела кухню. – Соня! Куда ты его поставила?

– Туда! – Соня махнула рукой.

Оля встала и тоже огляделась.

В кухню вошла бабушка.

– Сонька! Куда пирожное дела?! – прикрикнула на сестру Оля.

– Не ори на ребёнка, – улыбнулась бабушка. – Лучше скажи: ты вот так в школу пойдёшь?

– Бабуль, да нормальные джинсы! Сейчас все такие носят!

– Тарелочку-то не разобьёшь? Она от сервиза.

Оля сделала шаг вперёд, и прилипшая к её джинсам тарелочка со звоном упала на пол.

Мама и Оля одновременно воскликнули:

– Мой сервиз!

– Моё пирожное!

– Слава богу, не разбилась... – мама подняла тарелочку и положила её в раковину.

– Как я в школу теперь пойду?! – чуть не плакала Оля.

– Переоденешься и пойдёшь, – сказала бабушка и вышла из кухни.

– Не переживай, застираем, – успокоила мама.

Оля растерянно смотрела, как мама вытирает с пола остатки пирожного, и не знала, на кого обижаться. Старательно пыхтя, Соня притащила и поставила большую круглую коробку с прозрачной крышкой на стул. На сестру ругаться смысла не было – она выше не дотягивалась. Вид торта Олю совсем не радовал, наоборот – ещё больше расстроил. Мама поспешно переставила торт на стол и разрешила ленточку:

– Твои любимые «Графские развалины»!

Никто и не заметил, что бабушка вышла из кухни. Сейчас она вернулась с какими-то штанами и подошла к Оле:

– Смотри, – она встряхнула брюки-клёш с вышитым на них цветочным узором. – Это я ещё в молодости носила. Видела, на улице молодые девчонки снова в таких ходить стали. Примеришь?

– Обалдеть... – только и выговорила Оля.

О клёшах с вышивкой она мечтала уже давно, но никак не удавалось их купить – то денег с собой не было, то ни одна модель не нравилась. Оля осмотрела их со всех сторон – сзади были два накладных кармана, тоже с цветами.

– Бабуль, спасибо большое... – она не отводила взгляда от брюк.

– Их лучше с туфлями на толстой подошве носить, – посоветовала мама. – У тебя как раз подходящие есть.

– Мы торт будем есть или нет?! – возмутилась Соня.

– Будем, зайка, только Олю подождём. А для гостей другой купим.

Оля забежала к себе в комнату и надела свои новые клёши – сели как влитые. Посмотрелась в большое зеркало и заулыбалась – так радовали глаз этот фасон и вышивка. А в задний карман Оля вложила смартфон, который вибрировал от приходящих поздравлений. Но она на них ответит после завтрака.